

А Чжэн Даонянь припал на коленях к его груди, тяжело дыша.

Лишь Гу Цзинмо равнодушно стоял перед Лян Цзянем, опустив взгляд и глядя на них сверху вниз; в его глазах читалось нескрываемое отвращение к Чжэн Даоняню.

Кончик меча приблизился ко лбу Чжэн Даоняня, и по его коже скатилась капелька крови.

Рука Гу Цзинмо не дрогнула ни на йоту, а взгляд был холоден, как лед:

— Распускать руки перед моей женой — так поступают лишь животные. Неужели у вас, почтеннейший, нет ни малейшей капли стыда?

Чжэн Даонянь скрежетал зубами, яростно уставившись на него, но из-за длинного меча, который в любую секунду мог лишить его жизни, был вынужден отступить на полшага, перебирая коленями, словно пес, и лишь после этого подняться на ноги.

Гу Цзинмо не стал убирать меч, скользнув взглядом по висевшему у того на поясе хлысту.

Лян Цзянь моргнул, задрал голову, глядя на него, и уже было хотел назвать его «женечкой», но, подумав, решительно сменил обращение и проворковал:

— Муж мой, спаси меня...

Гу Цзинмо замер, лицо его по-прежнему оставалось бесстрастным, и он лишь равнодушно бросил:

— Встань. Ты ведь умеешь уворачиваться от моего меча, почему же не смог справиться с ним?

Лян Цзянь неловко тихо кашлянул, перейдя на обычный тон:

— Растерялся.

Он кубарем вскочил на ноги и спрятался за спину Гу Цзинмо.

Словно обретя надежную опору, Лян Цзянь расправил плечи, и его выражение лица вновь стало невозмутимым и спокойным:

— Муж мой, я знал, что ты обязательно меня защитишь.

Едва ли сыскался бы лучший пример того, как кто-то пользуется чужим авторитетом в своих целях.

Гу Цзинмо беспомощно вздохнул:

— Ступай к своему приемному отцу.

— Угу.

Лян Цзянь с улыбкой отозвался, но не успел он сделать и шагу, как Чжэн Даонянь свирепо глянул на него и зашагал прочь.

Гу Цзинмо протянул меч Лян Цзюню и ушел в комнату.

Лян Цзянь последовал за ним и с улыбкой произнес:

— Благодарю. Я так и знал, что ты не останешься в стороне.

Гу Цзинмо нахмурился, его выражение лица было несколько сложным.

Эта его помощь фактически означала признание того факта, что они с Лян Цзянем состоят в браке.

— Раз уж он так сильно любит тебя, и вы выросли вместе, почему бы тебе не дать ему шанса?

Лян Цзянь вытаращил глаза:

— Не пачкай своими словами само понятие «выросли вместе»! Этот гад хотел изнасиловать меня, когда мне было четырнадцать, но приемный отец узнал об этом и жестоко его наказал. По-твоему, мне стоит заводить детские годы дружбы с педофилом?

Гу Цзинмо опешил:

— Вот оно как... Ты испугался, что он снова посмеет поднять на тебя руку, и именно поэтому женился на первом встречном?

Впервые в жизни Гу Цзинмо загнал его в турецкий угол так, что не нашлось слов.

Что значит — женился на первом встречном...

Такое ощущение, будто все его глубокие чувства были растоптаны.

Лян Цзянь сдержал раздражение, уголки его губ дернулись, и он, приподняв бровь, спросил Гу Цзинмо:

— Муж мой, тебя так сильно волнует этот вопрос?

Когда он называл Гу Цзинмо женой, тот сопротивлялся, но стоило назвать мужем, как Гу Цзинмо унимался и ничего не говорил.

Гу Цзинмо покачал головой:

— Меня ничего не волнует.

Притворяйся, дружок, продолжай притворяться!

— Вот как? — Лян Цзянь обвел его томным взглядом и произнес с коварной усмешкой: — Вообще-то я хотел сказать тебе, муж мой, что в те самые четырнадцать лет он лишил меня невинности.

Невозмутимое выражение лица Гу Цзинмо наконец дало трещину: брови сошлись на переносице, он уставился на него в изумлении и неуверенно переспросил:

— ...Правда?

На душе у него без всякой причины стало тяжело и горько.

И вовсе не потому, что Лян Цзянь не был девственником, а оттого, что в столь юном возрасте ему пришлось перенести подобное.

Такой бойкий, сияющий, ослепительный и беззаботный красавец-юноша... Неудивительно, что в ту лунную ночь он смог произнести столь полные отчаяния слова.

— ... — И как его можно так легко провести?

Лян Цзяню даже стало немного совесть грызть, и он, задумавшись, добавил:

— На самом деле я и сам уже не помню, овладел он мной тогда или нет. Просто в памяти осталось жуткое отвращение к нему.

Гу Цзинмо долго вглядывался в него — так долго, что Лян Цзянь даже растерялся, — и наконец медленно произнес:

— Больше не оставайся в горном селении, где тебя принуждают к чему-либо. Ты... пойдем со мной.

Муж главаря разбойников (12)

— Ты хочешь увезти меня? — Лян Цзянь опешил. — Куда?

Гу Цзинмо посмотрел на него:

— В столицу.

Лян Цзянь усмехнулся:

— Если я пойду за тобой, мне придется оставить здесь всё, покинуть родные места и отправиться на чужбину... Ты сможешь меня содержать?

Гу Цзинмо на мгновение умолк. Между ними повисла тишина, в которой были слышны лишь легкие вздохи — настолько тихая, что можно было различить биение сердец друг друга.

Наконец Гу Цзинмо заговорил, словно приняв какое-то решение; голос его звучал глухо:

— Раз уж между нами была супружеская близость, я, разумеется, не брошу тебя на произвол судьбы.

Лян Цзянь понимающе улыбнулся.

Гу Цзинмо был именно таким человеком: по сравнению с другими чувствами долг и мораль оставались для него превыше всего.

И потому, даже не испытывая к Лян Цзяню особой симпатии, Гу Цзинмо всё равно сделает такой выбор. Или, вернее сказать, даже окажись на его месте кто-то другой, он поступил бы точно так же.

Логика его была предельно проста: раз он переспал с Лян Цзянем, то не может вот так просто от него отмахнуться.

Грубо говоря, в понимании таких людей не было места любви. Он просто подчинился бы воле семьи, женился на незнакомке, а затем прожил бы с ней до седины, уважая друг друга словно драгоценные чаши с угощением.

Лян Цзянь сказал:

— А вдруг ты увезешь меня, но потом бросишь и разлюбишь? Что тогда делать?

Гу Цзинмо нахмурился:

— Я так не поступаю.

Лян Цзянь хлопнул в ладоши:

— Ладно, за мужем и цыплёнок, и собака — куда он, туда и я, отправлюсь с тобой в столицу. Но сперва мне нужно проститься с приемным отцом. Он растил меня восемнадцать лет, я не могу просто так взять и уйти.

Гу Цзинмо кивнул.

Приведя себя в порядок, Лян Цзянь отправился к Инь Лимину. Выслушав о его намерении, тот посмотрел на него со сложным выражением лица.

— Решил окончательно?

— Да, — ответил Лян Цзянь.

— Не зря говорят: выданная замуж дочь — что пролитая вода. Я-то думал, заведу мальчика и горя не буду знать, а ты взял да и запал на мужчину, — вздохнул Инь Лимин.

Лян Цзянь внезапно предложил:

— Тогда отправляйся с нами в столицу, приемный отец. Ацзянь будет служить тебе.

Инь Лимин вытаращил глаза, сочтя это полной нелепостью:

— Что за глупости ты говоришь? Я атаман разбойников, неужели мне распустить всю шайку?

Лян Цзянь произнес пониженным голосом, и во взгляде его мелькнула глубина:

— Приемный отец, тогда тебе стоит остерегаться Чжэн Даоняня.

Чжэн Даонянь — человек чрезвычайно амбициозный. В последнее время он ведет себя слишком активно, перетягивая на свою сторону различные силы, и такой человек никогда не согласится оставаться на вторых ролях, довольствуясь положением заместителя.

Он снюхался с чиновниками, обучает бандитов как солдат и поддерживает связь с главарями других горных селений — его волчьи аппетиты видны за верстак.

Лян Цзянь опасался, что Инь Лимин не сможет одолеть его в борьбе.

— Он ведь тоже сирота, которого я подобрал на горе, неужели он станет вредить мне? — Инь Лимин махнул рукой и закрыл глаза. — К тому же я уже стар, давно пора уступить место молодым и достойным. Если он хочет стать главным, я охотно отдам ему это кресло.

Инь Лимин легко улыбнулся Лян Цзюню:

— Я до сих пор держусь за место главного лишь потому, что боялся: без моего присмотра он начнет творить с тобой всякие бесчинства.

Сердце Лян Цзяня дрожало. Пусть Инь Лимин и не был его кровным отцом, но отношение к нему давно переросло рамки родственных связей.

Он не удержался и вырвалось:

— Отец...

Инь Лимин махнул рукой:

— Я уже приготовил для тебя свадебные подарки, но раз уж ты уходишь к мужу, пусть они пойдут как приданое. Как только люди все подготовят, отправляйтесь с горы!

В носу у Лян Цзяня отчаянно защемило.

Глубоко вздохнув, он решительно опустился на колени перед Инь Лимином и трижды отбил поклон, касаясь лбом пола.

— Родители дали мне жизнь, а приемный отец вырастил. Мальчишка не в силах отблагодарить тебя сполна, но молит о твоём здравии и долголетьи. Пусть этот мальчишка вечно возносит молитвы о твоём благополучии.

Когда он снова поднял взгляд, в его глазах уже блеснули слезы.

Инь Лимин рассмеялся:

— Если этот Гу обидит тебя — возвращайся обратно. Живём с него шкуру сдеру.

Уголки глаз Лян Цзяня изогнулись в улыбке, а на сердце стало так легко, будто с него свалился тяжёлый камень.

О том, что Инь Лимин велел собрать для Лян Цзяня приданое, вскоре стало известно Чжэн Даоняню.

— Хм, думаешь сбежать? Не так-то просто! — Чжэн Даонянь посмотрел в сторону двора Лян Цзяня и отдал приказ своему верному подручному.

Муж главаря разбойников (13)

Гу Цзинмо рассыпал пригоршню зерна на подоконнике, и спустя четверть часа туда опустился совершенно белый голубь. К его тонкой лапке был привязан небольшой бамбуковый тубусок, из которого Гу Цзинмо извлек свиток тончайшей бумаги.

С тех пор как он поселился в горном селении и до момента, когда Лян Цзянь согласился пойти с ним, прошло чуть больше месяца. Когда их тогда захватили разбойники, его слуга не попался в плен — он воспользовался царившей суматохой и сбежал, направившись напрямик в столицу на встречу с дядей Гу Чжэном.

Племянник застрял у разбойников, и Гу Чжэн, занимавший пост министра финансов, разумеется, места себе не находил от беспокойства. С одной стороны, он отправил людей в близлежащие уезды для сбора сведений и поддерживал связь с Гу Цзинмо через почтовых голубей, а с другой — подал императору докладную записку с просьбой отдать приказ о подавлении разбойников и спасении племянника.

Договорив письмо, Гу Цзинмо зажег масляную лампу и сжег его.

Это было последнее послание от дяди. В нем говорилось, что назначенный новый наместник как раз собирается навести порядок с разбойниками и бродягами в подвластных ему землях. Дядя передал наместнику всю собранную Гу Цзинмо информацию о шайке, и со дня на день наместник планирует поднять местное ополчение и правительственные войска на штурм горы, приказав ему дожидаться этого момента.

— Муж мой, голубей кормишь? — раздался за спиной ленивый голос, и у Гу Цзинмо от испуга затрепетало сердце.

Лян Цзянь, одетый в роскошные шелка и выглядящий словно богатый юный господин из знатной семьи, держал в руках плетеную из лозы птичью клетку и с недобрым прищуром глядел на глупого белого голубя, который продолжал клевать зерно.

Гу Цзинмо вмиг почувствовал себя невероятно виноватым.

Теперь у него был секрет, о котором нельзя было говорить вслух. Его нынешняя роль — лазутчик, шпион, предатель.

Вся информация о разбойниках, оказавшаяся в руках властей, была добыта им.

— М-м... — едва слышно отозвался Гу Цзинмо, отступив на полшага назад, и с трепетом наблюдал, как Лян Цзянь подходит ближе и водворяет птицу в клетку.

Лян Цзянь с довольным видом посмотрел на бьющегося внутри голубя:

— Он тоже пойдет частью моего приданого. Здесь мы почти всё закончили: поклонимся перед отъездом приемному отцу и остальным главарям, а послезавтра выдвигаемся в путь.

Думая о грядущем штурме правительственных войск, Гу Цзинмо был сам не свой:

— Угу... Внезапно Лян Цзянь придвинулся к нему и, склонив голову набок, с видом крайнего недоумения спросил: — О чём это муж мой задумался?

Гу Цзинмо торопливо затряс головой: — Ни о чём особенном.

Лян Цзянь загадочно улыбнулся, поставил клетку с голубем в сторону и просто уставился на него, храня молчание.

От этого взгляда казалось, будто он хочет заглянуть ему прямо в душу.

На лице Гу Цзинмо промелькнуло смутное колебание. Поразмыслив немного, он смягчил тон: — ...О тебе.

Лян Цзин удивленно протянул: — Ой?

Он ещё никогда не видел, чтобы Гу Цзинмо с совершенно серьезным видом говорил подобные нежности, и с любопытством произнес: — Разве я не стою прямо перед тобой?

Гу Цзинмо смущенно смотрел на него, не зная, что и ответить.

Заметив, что тот попал в затруднительное положение, Лян Цзянь собирался было подразнить его ещё немного, но Гу Цзинмо вдруг протянул руку и ухватил его за край рукава. Лян Цзянь в недоумении приподнял бровь:

— Муж мой?

Сохраняя невозмутимое спокойствие, Гу Цзинмо обнял его за талию, уткнулся лбом в его плечо и тихо пробормотал: — Я думал о том, как после возвращения домой представлю тебя мамушке и отцу.

Его намеренно приглушенный голос звучал странно чувственно, а выдохнутое тепло проникало прямо в ухо, вызывая нестерпимый зуд в сердце.

Лян Цзянь сглотнул слюну, приподнял руку, придерживая Гу Цзинмо за затылок, прильнул к его губам в нежном поцелуе и, подражая его тихому тону, промолвил: — С чего это ты сегодня такой ласковый? М? Что ты от меня скрываешь? Он почувствовал, как тело Гу Цзинмо слегка напряглось, но рука, обнимавшая за талию, прижалась еще крепче.

Нервничает.

Лян Цзянь тихо вздохнул, не стал больше допытываться и лишь мягко, поцелуй за поцелуем, касался его губ:

— Как скажешь. Давай переберемся на кровать, м?

На этот раз Гу Цзинмо не стал бросаться фразами о непотребствах среди бела дня. Хотя он все еще держался с напускной холодностью и застенчивостью, а движения его были неуверенными, он послушно последовал за Лян Цзянем на кровать, где они с головой погрузились в вихрь страсти.

Когда они наконец поднялись с постели, уже наступило время ужина.

Гу Цзинмо отчетливо видел во взгляде Лян Цзяня, которым тот осыпал его: «Я чертовски доволен, а поедим — продолжим».

Его взгляд упал на стоявшую на столе голубятню, и он невольно почувствовал себя в точности как та несчастная птица.

Он был точь-в-точь как этот голубь: стоило на миг потерять бдительность, как его тут же заперли в клетке.

Правый глаз Лян Цзяня непрерывно подергивался, вызывая беспричинное беспокойство и раздражение. Он списывал это на тоску перед скорым расставанием с горной заставой.

С наступлением ночи Гу Цзинмо задул лампу и забрался на кровать, чтобы лечь вместе с Лян Цзянем.

Казалось, он уже смирился со своей судьбой и больше не противился близости с Лян Цзянем. Возможно, всё дело было в том, что они уже столько раз разделяли ложе, к тому же инициатором всегда выступал Лян Цзянь, так что дальнейшее сопротивление выглядело бы чистой фальшью. Находясь в полудрёме, Лян Цзянь слышал подозрительный шорох и резко распахнул глаза. Этот шум разбудил и Гу Цзинмо.

— Что такое? — растерянно спросил Гу Цзинмо.

— Тсс, послушай, — с серьезным видом произнёс Лян Цзянь, глядя сквозь кисейное окно.

Хоть на дворе и стояла глухая ночь, за окном было светло как днём. До слуха доносился смутный шум, топот конских копыт и доносившиеся время от времени рыдания женщин и детей.

— Случилась беда!

Сердце Лян Цзяня сжалось. Он мгновенно набросил одежду, вскочил и выскочил за дверь, а Гу Цзинмо устремился вслед за ним.

Неподалёку непроглядную, будто налитую тушью тьму ночи озарял рвущийся к небу пламень. Огонь бушевал во всю силу, подобно взбесившемуся зверю, поглощая дом за домом, и издалека доносился треск горящего дерева.

В тёмных зрачках Лян Цзяня отразились алые сполохи.

— ...Приёмный отец! — прохрипел он.

Это же усадьба, где жил Инь Лимин!

Дыхание перехватило. Лян Цзянь со всех ног бросился туда. Вся дорога была усыпана обломками и мёртвыми телами с изувеченными лицами. Кто-то тушил пожар, кто-то убивал, кто-то молил о помощи, другие носились повсюду, словно безголовые мухи. Всё вокруг напоминало бурлящий котёл, погружённый в хаос.

Тяжело дыша, Лян Цзянь замер у стены пылавшего двора. Там, заложив руки за спину, стоял спиной к нему Чжэн Даонянь.

— Чжэн... — окликнул его Лян Цзянь. — Второй брат, а приёмный отец?..

Чжэн Даонянь повернулся. Половину его лица озаряли отсветы пламени, другая же тонула во мраке, и плясавшие тени придавали его выражению лица крайне жуткий, странный вид.

— Он мёртв, — спокойно произнёс Чжэн Даонянь, и в его глазах блеснул хищный огонёк. — Пожар устроили мои люди.

В то же мгновение Лян Цзянь точно громом был поражён и застыл как вкопанный.

— Что ты... сказал?

Чжэн Даонянь промолчал. Лян Цзянь увидел, что в одной руке тот держит тесак, с лезвия которого медленно стекала кровь, собираясь у его ног в небольшую лужицу.

А в другой руке он сжимал отрубленную голову с несомкнутыми перед смертью глазами.

Чтобы захватить власть, Чжэн Даонянь вместе со своими людьми поднял мятеж и отсёк голову Инь Лимину.

Оцепенение Лян Цзяня длилось лишь мгновение, а затем он с налившимися кровью глазами бросился вперёд и хрипло закричал:

— Ах ты скотина! Он же был нашим приёмным отцом!

— Он стоял у меня на пути, — ответил Чжэн Даонянь.

Лян Цзянь со всей силы врезал ему по глазнице. Чжэн Даонянь глухо застонал, бросил отрубленную голову и тесак, схватил Лян Цзяня за запястье и рывком притянул к себе. Лян Цзянь поднял ногу и попытался ударить соперника, но Чжэн Даонянь лишь усмехнулся и без труда скрутил его:

— Всего лишь ребячество. В свое время Инь Лимин жалел тебя и вырастил из тебя никчемную развалину. Знал ли он, что всё закончится вот так?

— Да я пристрелить тебя хочу! — сорвав голос, прохрипел Лян Цзянь, отчаянно сопротивляясь, но Чжэн Даонянь грубо вдавил его коленями в землю.

— Котикам не стоит выпускать когти. Разве не лучше послушно и смиренно ждать, пока хозяин тебя покормит? — Чжэн Даонянь сжал горло Лян Цзяня, притягивая его к себе. — Если еще раз попытаешься сбежать, я переломаю тебе ноги.

— Ах ты сволочь... — разъяренный Лян Цзянь впился зубами прямо в ухо Чжэн Даоняня, глубоко вонзая их в плоть, и во рту у него тут же появился солоноватый привкус крови.

Чжэн Даонянь с силой сдавил его горло и бросил парня наземь.

Лян Цзянь тяжело задыхался, чувствуя дикую боль в спине.

Глядя в пылающие яростью глаза Лян Цзяня, Чжэн Даонянь потер кровоточащее ухо и зловеще ухмыльнулся:

— Как свирепо кусаешься. Ну ничего, погоди: расправлюсь с твоим любовничком, а потом займусь твоим воспитанием.

Зрачки Лян Цзяня резко сузились.

Гу Цзинмо!

Убегая в спешке, он совершенно не следил за тем, следует ли Гу Цзинмо за ним. Впрочем, они долго сражались с Чжэн Даонянем, а тот так и не появился — скорее всего, воспользовался суматохой и сбежал.

В душе Лян Цзяня шевельнулось облегчение, но где-то на самом дне затаилось и горькое

разочарование. Он-то наивно полагал, что Гу Цзинмо останется с ним.

— У тебя всего сорок очков благосклонности, так что вполне естественно, что он бросил тебя и сбежал, — неожиданно подала голос Система. — Сейчас самое главное — выбраться из лап этого маньяка Чжэна.

— Так возьми и подкрути мои физические показатели! Я же боец нулевого уровня, я даже паршивую шавку Чжэн Даоняня голыми руками не одолею! — Лян Цзянь был в бешенстве.

Система помолчала секунду:

— Угрозы жизни хосту нет, у меня нет полномочий вносить изменения.

— Зато у меня угроза девственности!

Чжэн Даонянь приказал подчиненным отвести Лян Цзяня в боковую комнату своего двора и выставить у дверей стражу, а сам отправился разбираться с последствиями мятежа и искать пропавшего Гу Цзинмо.

Лян Цзянь выглянул через щель в двери: шестеро бандитов стояли по стойке смирно, при оружии. Любимый черный псевдопес Чжэн Даоняня рыскал вокруг, настороженно приподнимая уши при малейшем шорохе.

Черная псина скалилась острыми клыками, с ее пасти капала слюна, а глаза были налиты кровью.

Лян Цзянь невольно заподозрил у этой твари бешенство — он собственными глазами видел, как Чжэн Даонянь скармливал ей человечину.

Тут и птицей не улетишь.

С тяжелым сердцем Лян Цзянь рухнул в большое кресло. На резном столе из красного дерева дымилось множество роскошных блюд — Чжэн Даонянь приказал прислужникам хорошенько позаботиться о пленнике, но Лян Цзянь даже смотреть на еду не хотел.

Приемный отец убит, сам он под домашним арестом, о судьбе Гу Цзинмо ничего не известно, горная застава за одну ночь перешла в чужие руки...

У него даже не было времени на скорбь: приходилось изо всех сил подавлять эмоции и сохранять холодный рассудок.

Если Чжэн Даонянь и впрямь вздумает взять его силой, придется покончить с собой. Быть может, тогда Система решит, что его жизни угрожает опасность, и позволит ему превратиться в какого-нибудь супер-саяна, чтобы в два счета разматать этого Чжэн Даоняня.

Пока он обдумывал осуществимость этого плана, с потолочных балок донесся тихий шорох. Лян Цзянь озадаченно нахмурился: неужели крысы?

В следующий миг эта «крыса» бесшумно спрыгнула с балок, твердо приземлившись прямо перед ним. Незнакомец был одет в грубые крестьянские одежды рядового бандита, а на ткани алели чьи-то чужие пятна крови.

Его мягкое, утонченное лицо исказила убийственная аура, превращая юношу в демона во плоти.

Лян Цзянь от неожиданности едва не сполз с кресла:

— Женушка!

— Тсс, — Гу Цзинмо схватил его за руку. — Не привлекай внимания тех, кто снаружи. Сейчас я выручу их, а ты в суматохе беги к третьей иве направо от выхода из двора — там привязаны две лошади.

Лян Цзянь сгораг от любопытства, что привело сюда Гу Цзинмо, но времени на расспросы не было, и он лишь поспешно кивнул.

Гу Цзинмо велел ему спрятаться за дверью, а затем со всего маху пнул обеденный стол. Посуда с грохотом разлетелась на осколки, и из-за двери немедленно донесся яростный окрик:

— Какого чёрта там творится!

Лян Цзянь закричал:

— Я упал! Пусть кто-нибудь зайдет, поможет подняться!

Дверь тут же распахнулась:

— Молодой господин, если вы покалечитесь, Второму господину не позл... — фраза оборвалась на полуслове: длинный меч вихрем рассек воздух, наглухо поражая цель в первый же миг.

Гу Цзинмо без тени смущения вытер со щеки брызнувшую кровь, бросил на Лян Цзяня выразительный взгляд и вышел за порог.

Лян Цзянь прислушивался к жутковатым звукам снаружи: сначала посмертный хриплый лай собаки прервался на полузвук, и во дворе воцарилась тишина. Затем раздались приглушенные стоны людей и стук падающих тел.

Лицо Лян Цзяня бледнело с каждой секундой, а зрачки, напротив, становились всё темнее.

Столь чистая и выверенная техника владения мечом, безошибочные выпады и хладнокровная, безжалостная жатва человеческих жизней.

Гу Цзинмо всегда казался благородным и учтивым ученым мужем, но расправлялся с врагами с такой непреклонной решимостью.

<http://bllate.org/book/21563/2220083>